

Анджей де Лазари

В защиту польского гонора

А. де Лазари - Лодзинский университет (Польша).

Каждое "Я", кроме генов, "программируется" культурой в которой вырастает, сначала семейной, потом школьной, "общественной" средой, в которой вращается, книгами, которые читает (или же не читает), телевидением, которое смотрит (или же не смотрит), и т.д.

Поляков от русских (в массе, конечно) в первую очередь отличает отношение к индивидуализму и к коллективизму (все равно, как бы его не называть: *народом, классом* или *соборностью*). Русские давно это заметили и отметили: Пушкин в "кичливом ляхе", Достоевский в "гоноровом пане" (*Игрок*) и в других своих гордых "полячишках".

Поляки отплачивали тем же. Бронислав Трентовский издевательски писал: "Тот, кто намерен жить в России, пусть уверует в московский ум, пусть наберется азиатских понятий <...> Ибо горе, горе тому, кто не обладает московской душой и по-польски глуп! Произведен будет такой сукин сын, бунтовщик и мятежник, в солдаты или сослан пешком в каторжную работу в Сибирь. И закончит жизнь на Нерчинских заводах".

Разницу в нашей культурной запрограммированности наглядно видно в призывах, за что бороться: у русских - "За Бога, Царя и Отечество" (в сталинское время - "За Родину! За Сталина!"); у поляков - "За Бога, Гонор и Отечество" (в "реальном социализме": "за Гонор и Отечество"). Именно этот "гонор", в русском сознании, как правило, неположительный, заносчивый, не отождествляемый с честью, является основой польской культурной запрограммированности.

Стоит, однако, отметить, что по крайней мере для одного русского писателя гонор стал положительной ценностью. Это - Юрий Домбровский, герой которого - Зыбин - спас себя и свою честь благодаря гонору. Он не сдался следователю, который его уговаривал:

"- Эх, оставили бы вы свой глупый гонор, батюшка, и поглядели бы в глаза, так сказать, простой сермяжной правде! Ей-богу, это не повредило бы! Гонор, нор, "не тронь меня" -- это все хорошо, когда имеет хождение. А здесь не тот банк! Тут допрос! И не просто допрос, а активный! А это значит, что, когда вас спрашивают, надо отвечать, и отвечать не как-нибудь, а как следует" (*Факультет ненужных вещей*).

Это из-за гонора поляки, наподобие Зыбина Домбровского, в сибирской ссылке, по словам тобольского губернатора А. И. Деспот-Зеновича, "невольны замыкаются сами в себя и создают какой-то призрачный мир, искусственную сферу, составляющую аномалию общественной жизни". Это благодаря гонору польского мужика не удалось в Польше построить колхозы. Это благодаря гонору ни одному польскому королю в голову не пришло закрепощать своих подданных и

делать из них рабов. И благодаря "гоноровым панам" возникла польская "Солидарность" и рухнул в Польше коммунизм.

Поэтому нечего так брезгливо относиться к польскому гонору. Жаль, что его в Польше теперь все меньше.

В 1980-е годы многим полякам казалось, что, в отличие от русских, они постигли суть и ценности европейского достойного *Я*. В своей знаменитой книге "Этика солидарности" польский философ, ксендз Юзеф Тишнер говорит о солидарности как об этическом движении. Солидарность не является для него ни понятием, ни готовой этической теорией. Это идея, и как таковая однозначного определения она никогда не получает.

"Этика солидарности, - говорит Тишнер, - хочет быть этикой совести. Она предполагает, что человек обладает совестью как прирожденным "этическим чувством", во многом независимым от разных этических систем. Совесть в человеке - самостоятельная реальность, наподобие разума и воли. Человек может упражнять волю и разум, но может и забросить упражнения, может слушать свою совесть, но может и отречься от нее. Совесть - это голос, звучащий в человеке. К чему призывает он сегодня? Прежде всего к тому, чтобы человек хотел иметь совесть".

Не всякое *Мы* является солидарностью. Подлинная солидарность - это солидарность совестей. С человеком без совести можно ехать в одном вагоне поезда, сидеть за одним столом, читать те же книги, но это еще не солидарность. Суть солидарности в пробуждении чувства сострадания, братства со страдающим человеком. Солидарность - особая межчеловеческая связь: люди объединяются, чтобы заботиться о том, кто в заботе нуждается. *Я* с тобой, *Ты* со мной, *Мы* вместе для него. Но все начинается с *Я* и совести. *Мы* вторично. *Мы* - это *Я* и *Ты* в диалоге. "Добросовестный диалог, - говорит Тишнер, - имеет в качестве своего источника предпосылку, что ни я, ни ты не в состоянии узнать правду друг о друге, если мы далеко друг от друга, если каждый из нас спрятан в подполье своего страха. Чтобы получился добросовестный диалог, *Мы* (*Я* и *Ты*) должны начать с признаний: "наверное, ты в какой-то степени прав" и "наверное, я не во всем прав". Таким образом мы приближаемся друг к другу, так как каждый из нас готов личную правду другого сделать частью своей правды. Диалог - это создание взаимности и основное средство достижения общественной правды. Диалог означает, что люди вышли из подполья, приблизились друг к другу. Начало диалога - выход из подполья. Надо переступить порог, протянуть руку, найти общее место для разговора. Это место не будет уже укрытием, в котором человек остается один со своим страхом, а будет местом встречи, началом какой-нибудь общины, дома".

Казалось бы, что здесь нового для русского человека? Не о том ли говорил еще Достоевский? Ведь *Мы*-община (коллектив, класс, народ, Евразия, соборность) - это основа "русского" мирозерцания. Чем Евросоюз, где солидарное *Мы*, по крайней мере в теории, - основа общежития, отличается от Евразии?

Разница существенная! Солидарное *Мы*, в отличие от "русской" (и

тем более коммунистической) общины, не поглощает свободного, пусть даже гордого *Я*. Ведь *Я* - это "хранитель древностей" (совести, чести, гонора...), без которых нет культуры и такого существенного элемента культуры, выработанного тысячелетиями, каким является право. И без *Я* нет диалога. Если нет *Я* - нет и *Ты*. Остается тоталитарное *Мы*, которое не нуждается ни в диалоге, ни в праве; остаются политики, для которых все, о чем здесь говорится, - "факультет ненужных вещей".

На *Мы*, неприемлемое для поляков, в России работали поколения. А.С. Хомяков, противопоставляя свой идеал западному мышлению, писал: "В Европе <...> не допускают ничего истинно-общего, ибо не хотят уступить ничего из прав личного произвола". Вся борьба за так называемую народность, начатая в русской мысли в эпоху романтизма, привела в конце концов к полному поглощению индивида в советском *Мы*-народе. Когда Замятин создавал свою антиутопию, советское *Мы* еще не образовалось, но уже "носилось в воздухе". Ведь богоискатель Горький говорит: "Все несчастья начались от того, что первая человеческая личность оторвалась от чудотворной силы народа... и сжалась от страха, перед одиночеством и бессилием своим... *Я* - злейший враг человека". И коммунизм уничтожил этого "врага", чтобы получилось, как в "Катехизисе революционера" Нечаева: "Революционер - человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени".

Среди русских мыслителей были, однако, и те, кто в какой-то степени предвосхитил суждения Тишнера о солидарном *Мы*. Это - духовные отцы существующего с 1930 года в эмиграции Народно-Трудового Союза русских солидаристов: С. Франк, С. Левицкий, С. и Е. Трубецкие, И. Ильин. Франк пишет:

"*Я* никогда не существует и немислимо иначе, как в отношении *ты* - как немислимо левое вне правого, верхнее вне нижнего и т. п. <...> *Мы* совсем не есть просто множественное число от *я* (как этому учит обычная грамматика), простая совокупность многих *я*. В своем основном и первичном смысле *я* <...> вообще не имеет и не может иметь множественного числа; оно единственно и неповторимо. <...> Поэтому *мы* есть не множественное число первого лица, не многие *я*, а множественное число как единство первого и второго лица, как единство *я* и *ты* (*вы*). В этом - замечательная особенность категории *мы*. Вечная противопоставленность *я* и *ты*, которые, каждое само по себе и в отдельности, никогда не могут поменяться местами или охватить одно другое <...> - противопоставленность и противоположность преодолеваются в единстве *мы*, которое есть именно единство категориально разнородного личного бытия, *я* и *ты*. С этим непосредственно связана и другая особенность *мы*: в отличие от всех других форм личного бытия оно принципиально безгранично. Правда, эмпирически *мы* всегда ограничено: всякому *мы*, будь то семья, сословие, нация, государство, церковь, противостоит нечто иное, в него не включенное и ему противостоящее, - какие-то *вы* и *они*. Но вместе с тем *мы* в ином, высшем соединении может охватить и включить в себя всех *вы* и *они* - принципиально все сущее; в высшем, абсолютном смысле

не только все люди, но все сущее вообще как бы предназначено стать соучастником всеобъемлющего *мы* и потому потенциально есть часть *мы*. Если я могу сказать *мы* про узкое единство моей семьи, партии, группы, то я могу вместе с тем сказать *мы*, люди, или даже *мы*, тварные существа. *Мы* есть, следовательно, некая первичная категория личного человеческого, а потому и социального бытия".

Здесь основная разница между русским солидаризмом и идеей солидарности в толковании Тишнера, для которого солидарное *Мы* не первично, а вторично, и даже не по отношению к *Я* и *Ты*, а по отношению к *для него*. Сперва - раненый и его крик, потом - отзывается совесть, сумевшая услышать и понять этот крик, и только тогда рождается община. Персонализм, человеческое достоинство здесь на первом плане, на втором - диалог, на третьем - солидарное *Мы*. Для коллективизма, как бы его ни назвать, здесь вообще нет места, как нет места и для коллективизма в "Европе" и Евросоюзе.

Формулируя этику солидарности, Тишнер предполагал, что ей не нужен враг. Десять лет спустя он осознал свою ошибку. В 1990 году он писал:

"Надо ясно сказать: этика солидарности уже не в состоянии охватить и разъяснить все вырисовывающиеся конфликты. Ибо что говорила эта этика? Она говорила, что нам надо быть вместе, действовать без применения силы, что этика должна стоять выше политики. Все это было ясно, когда был враг. <...> Когда враг исчез, наше вместе расплозлось. <...> Некогда Норвид, размышляя над причинами упадка народов, писал, что не в силу неуважения к власти, а особенно королевской, одни народы существуют, а другие перестают существовать. Потому что, будь это так, вся Европа развалилась бы. Причины упадка и развития народов одни и те же: уважение или неуважение к Человеку. Я возвращаюсь к этой мысли Норвида при особых обстоятельствах, в которых мы оказались. Ларек коммунизма развалился. Но толпа перед ларьком пока еще стоит. Что сделать, чтобы эта толпа стала обществом, чувствующим свое национальное достоинство? В этом направлении сделано уже немало. Но следует сделать еще кое-что. Следует вернуться к простейшему опыту - уважению Человека".

Для Тишнера однозначно, что идею и этику солидарности можно спасти лишь путем уважения к личности и к ее неотторжимым правам, что еще сильнее надо связать персонализм с солидарностью, что самой большой ценностью должен быть всегда Человек-личность, а не *Мы*-коллектив.

И вот прошло очередное десятилетие, Тишнера в живых уже нет, а толпа перед ларьком коммунизма все стоит - и в Польше, и в России.

А уважение к Человеку? - Вот вы, Человек-славянин, подходите к пешеходному переходу в "Европе" (Лондоне, Берлине, "какой-нибудь" Лозанне...), а потом - в Варшаве и в Москве. Закон везде одинаковый: "Водитель транспортного средства обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу". В "Европе", едва лишь вы подошли к пешеходному переходу, машины остановились. В Варшаве вам придется пропустить машины

четыре - пятая-шестая остановится. А в Москве? Риторический вопрос? А попробуйте лечь в больницу "с улицы" в каком-нибудь из этих городов. Не хотите в Москве, у "всечеловеков"? Предпочитаете в Лозанне, а не в Варшаве? Это понятно - ведь вы хотите уважения к своей личности, а по крайней мере - к своему больному телу.

Русское отношение к "польскому гонору" один из современных публицистов отобразил в анекдоте: поляки глотают сырые яйца, чтобы даже дерьмо с глянцем выходило. А я защищаю польский гонор и сожалею, что его все меньше в повседневной жизни, а из политики он почти вообще исчез, так как его место занимает политическая и экономическая выгода. Но если ты хочешь быть человеком гонора и требовать от других уважения к себе как личности, ты должен вести себя достойно и с уважением к каждому другому человеку-личности. Стоит! - и в этическом и эстетическом плане.

[Главная страница](#) | [Содержание номера 25/2007](#)